

5. Киселев С. Н. Русский гений: Николай Данилевский // Крымский архив. — 1999. — №4. — С. 99-153.
6. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике. — Симферополь, 1994. — 64 с.
7. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. — М., 1996. — 800 с.
8. Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. — М., 2003. — 534 с.
9. Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (15-16 вв.). — М., 1998. — 410 с.
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., 1985. — 1600 с.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1959-1966. — тт. 13, 14.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2004 г.

УДК94(477.75)

В. В. Лавров

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ УЧЕНЫХ

(историографическая концепция термина "ноосфера":

В. И. Вернадский, И. М. Гревс, П. А. Флоренский)

Ноосфера переводится с греческого как сфера разума. Идеи о существовании оболочки Земли, контролируемой разумом, формировались в первой трети XX века и нашли свое выражение в идеях о *ноосфере* (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден), *психозойской эре* (Ле Конт), *цефализации* (Д. Дана), *техносфере* (А. Ферсман) и др. В отечественной науке понятие термина ноосфера связано с именем академика В. И. Вернадского, который переосмыслил содержание этого понятия в контексте развиваемого им учения о биосфере, духовного начала и роли научной мысли как планетарного (космического) явления. Процесс научного осмысления ноосферы у В. И. Вернадского был достаточно длительным. Он тщательно выверял ноосферные явления в различных науках естественного цикла, подкрепляя их многовековым философско-религиозным опытом. Своими научными идеями В. И. Вернадский часто делился с близкими по научному творчеству друзьями, которые, в свою очередь, помогали ученому более точно подойти к определению учения о ноосфере. Среди его постоянных корреспондентов были И. М. Гревс — профессор истории, и П. А. Флоренский — математик, религиозный философ. Все трое ученых принадлежали к такому типу исследователя, в котором органически соединялись как религиозные, так и научные искания. Именно в таком типе исследователя наиболее нуждалось развитие русской научной мысли в начале XX века.

Цель настоящей статьи — осмыслить историографическую концепцию термина “ноосфера” в научном наследии В. И. Вернадского, И. М. Гревса и П. А. Флоренского. Одновременно показать необычность эпохи, в которой происходило формирование и формулирование учения о ноосфере; определить истоки творческого вдохновения, приведшие мыслителей к созданию нового направления в науке — ноосферы.

Духовные истоки научного творчества В. И. Вернадского

В начале XX века авторы знаменитого сборника “Вехи” (1909) обратили внимание интеллигенции на духовное раздвоение общества и предложили конкретный выход из этого духовного кризиса. Друг В. И. Вернадского, философ, юрист П. И. Новгородцев чуть позже, обобщая статьи, представленные в сборнике, замечал: “Они (авторы сборника. — *В. Л.*) хотели лишь указать, что путь, по которому шло до сих пор господствующее течение русской интеллигенции, есть неправильный и гибельный путь и что для нее возможен и необходим иной путь, к которому ее давно призывали ее величайшие представители, как Чаадаев, Достоевский, Вл. Соловьев. Если вместо этого она избрала в свои руководители Бакунина и Чернышевского, Лаврова и Михайловского, это великое несчастье и самой интеллигенции, и нашей родины. Ибо это есть путь отпадения, отщепенства от положительных начал жизни. Разорвать с этой традицией, ведущей к бездне и гибели, вернуться к объективным основам истории — вот задача, которую русская интеллигенция должна себе поставить... Надо сделать выбор: с этим связана и судьба России” [6].

В. И. Вернадский, размышляя над этой же проблемой, отмечал, что, с одной стороны, духовенство как “образованный класс” остается еще “чуждый точным наукам”: “Иезуит Саккери [8] — предшественник Лоб[ачевского] по новаторству. Поразительна в этом отношении сила католицизма. Могут ли наши христианские мыслители быть столь же глубокими и свободными в отношении к миру? Русская философия и теология далеки от математики и естествознания. Это ее слабость или недостаточная еще глубина проникновения в окружающее” [2]. С другой стороны, — “русская интеллигенция была безразлична к одному из величайших проявлений духовной жизни человечества — религиозной жизни” [1]. Выступая на съезде Таврической научной ассоциации 7 ноября 1920 г., В. И. Вернадский скажет еще резче: “Русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их. Так было. Но так не будет” [3]. Ставя новые задачи перед интеллигенцией, В. И. Вернадский особо подчеркивал: “Черты новой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являются фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки” [3].

Итак, в конце 1920 г., в Крыму, В. И. Вернадский четко и ясно сформулировал основные направления будущей своей научной деятельности, которые можно свести к следующим тезисам:

а) **наука как геологическая сила:** *"рост науки увеличивает силу человечества, увеличивает его геохимическую работу"*;

б) **человек как геологическая сила:** *"все тенденции, которые мы наблюдаем в окружающей нас истории, которые повышают культурную силу человечества, увеличивают его геохимическое значение"*;

в) **переоценка духовных ценностей:** *"вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа — это вопросы вечные; с ними связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество"*.

Эти мысли ученого можно смело отнести к духовным исканиям В. И. Вернадского, увенчавшимся введением им чуть позже понятия *ноосферы* как этапа эволюции *биосферы*.

В 1921 г. В. И. Вернадский, покидая Крым, познакомился с одним из основных трудов своего бывшего ученика по Московскому университету П. А. Флоренского "Столп и утверждение истины". В дневнике он делает характерную запись: "Теперь начал читать Флоренского <...>. Книга, кажется, очень интересная. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно не принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность" [4]. Отметим, что В. И. Вернадский будет внимательно в дальнейшем следить за творчеством этого выдающегося религиозного мыслителя, а вскоре между ними завяжется и дружеская переписка.

В. И. Вернадский и П. А. Флоренский: диалог ученых

По всей видимости переписка П. А. Флоренского и В. И. Вернадского началась после возвращения последнего на родину в 1926 г. В. И. Вернадскому было важно выяснить на тот момент роль и место человека в наступающей ноосферной эре. Его никак не устраивало эволюционистское представление о человеке, считавшее, что человек — не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя. В. И. Вернадский в это время читает труды религиозных философов, утверждавших обратное: "Вся тварь тоскует в цепях ислечения. Вся природа есть портрет Всевышнего, совершеннейший и полный. Природа в Боге; Бог — около нас, кругом нас. Апостол Павел говорит: " <...> тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих: знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучается донныне" (Рим. 18, 28). Следовательно, вся тварь, включая человека, одного происхождения. Его (человека. — *В. Л.*) объективность — богоданная тварь", — писал П. А. Флоренский. Он же утверждал, что "земная природа — лишь подножие храма Божия, а человек — полный конспект мира" [9].

Обращаясь к В. И. Вернадскому, П. А. Флоренский пишет: "Человек есть бесконечность. Но не за формальный признак бесконечности человек и мир могут почитаться взаимоотражающими друг друга; между человеком и средою

есть действительное подобие, часть части, сторона стороне, разрез разрезу. В Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы, не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, скажем временно, размерах, но разрозненно, не имелось бы у Среды. Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его” [7].

Далее П. А. Флоренский размышляет: “Конечно, проще всего было бы доказать эту мысль, опираясь на данные современного естествознания, — имею в виду преимущественно современную биологию. Но переменчивые с каждым ветром времена, и при том в нынешнее время переменчивые ускоренно, естественно-научные положения были бы слишком малопрочным фундаментом философской антропологии; несравненно надежнее в этом смысле основные инварианты лирики, а тем более — неизбежно прочные символы религии: ведь вопреки тому, что полагают обычно среди науковеров, научные “истины” весьма недолговечны и ускорительным процессом современной науки делаются все более недолговечными, а кроме того — чрезвычайно субъективны, хотя и не индивидуально-субъективны, а группово-кружковски, не говоря уже об узости их, определяемое применительно в области лишь отдельных дисциплин и ветвей дисциплин. Напротив, истины и символы религии всечеловечны и всеисторичны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивой осью истории и, подобно радуге, несдуваемые вихрями времени. И моя глубочайшая уверенность, что если высказываемые здесь мысли будут обоснованы религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснования естественно-зрительные уже лет через двадцать будут заивны и приблизительны, как смешная старомодная шляпа” [7, с. 277].

Приведенный отрывок письма наглядно демонстрирует, почему П. А. Флоренского не устраивали перспективы дарвинистского объяснения картины мира: он не видел в ней прогрессирующего одухотворения в человечестве. А человек, по Флоренскому, — есть труд, и его мысль — не стороннее явление, наблюдающее и трансформирующее природу, а неотъемлемая, главная часть мира и его мера.

Говоря о “признании поэзии”, как символе “всечеловечности и всеисторичности”, П. А. Флоренский имел, прежде всего, в виду русскую поэзию, оставившую довольно богатое наследие в своих размышлениях о природе-храме, о природе-мастерской. Вспомним пушкинское “и равнодушная природа”, а так же “Не то, что мните вы, природа... в ней есть душа” Тютчева. Базаров в “Отцах и детях” Тургенева говорит, что она не храм, а мастерская, и человек в ней работник. А рядом с Базаровым и Тургеневым — размышления Гончарова из сибирских страниц “Фрегата Паллады” (с вопросом: “кто этот Титан, преобразующий суровое бытие, возделывающий естество?”).

Конечно, В. И. Вернадскому была знакома русская поэзия XIX века с ее поисками и объяснениями Среды и Человека. Еще ближе была ему современная поэзия века XX, где природа-мастерская и “природы вековечная давящая” у

Николая Заболоцкого, с одной стороны, а так же природа как храм молитвы и труда одновременно у Есенина и Клюева — с другой. Не говоря уже об Андрее Платонове с его мотивом “ремонтирования” природы, явно произрастающего из принципа Николая Федорова “преодоления природы”. Творчество всех перечисленных авторов как XIX, так и XX веков В. И. Вернадский хорошо знал, о чем свидетельствуют его дневниковые записи. Из зарубежных поэтов он больше всего выделял Гете, у которого, по слову Вернадского, “природа совпадает почти целиком с биосферой и всегда связана с жизнью”.

Во втором письме к В. И. Вернадскому, датированному 21 сентября 1929 года, П. А. Флоренский высказывает “мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать *пневмосферой*, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот или, точнее, в круговорот духа” [7, с. 280].

В ответном письме В. И. Вернадский, в частности, отвечал: “Мне кажется, что сейчас мы переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научном мировоззрении должно войти явление жизни, и, может быть, мы пойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем — научном образе Космоса — места” [6].

Заметим, что П. А. Флоренский внимательно следил в эти годы за тем, что выходило из-под пера ученого Вернадского. В письме к сыну П. А. Флоренский дает характеристику Вернадскому-ученому: “<...> большинство мыслей, им высказываемых, очень созвучны мне, я думаю о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов <...>. Он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко, <...> один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе” [11].

Итак, то что В. И. Вернадский назвал *ноосферой*, стало точкой пересечения двух независимых сфер интересов мыслителей. В формулировке *пневмосферы* П. А. Флоренский так же как и Вернадский в формулировке *ноосферы*, синтезировал в едином понятии свои религиозно-философские и естественно-научные воззрения.

В. И. Вернадский и И. М. Гревс

В круг близкого духовного общения В. И. Вернадского, где вырабатывалась и обсуждалась концепция ноосферы, входил и И. М. Гревс, близкий друг Вернадского со студенческих лет. В своих культурологических изысканиях под влиянием В. И. Вернадского И. М. Гревс разрабатывал идею *антропосферы* как сферы человеческой культуры. В последнем по времени фрагменте своих воспоминаний (1941) И. М. Гревс излагает представление Вернадского о ноосфере как одной из трех “основных мирообразующих сфер” (геосфера, биосфера, ноосфера): “Ноосфера является областью, мировым элементом (именно сферой, как у Данте “небеса”), которая осуществляет, обнимает и завершает Космос, дает ему конечное единство”. Излагая далее свое понимание ноосферы,

Гревс пишет: “<...> Чувствуется мне в творимом им мире нечто сродное тому, куда меня влечет та сила, которая живет во мне и начала жить с самого начала моего бытия на земле <...>. Это — создание ноосферы творчеством духа в истории жизни Вселенной. Вот мне теперь и кажется-то, что совершалось в ходе моего единичного <...> существования (жизни “микрокосма” внутри “макркосма”), — это поднималось по пути такого шествия ввысь с колебаниями, остановками, падениями и возрождениями, но именно так и к такой цели (участию в творчестве ноосферы). И такое “дело” рисуется мне функцией человеческой личности, как бы “духовно-телесного атома”, вечного исчезающего” [10].

Если принять во внимание высказывание В. И. Вернадского о том, что “материя и энергия не охватывают всю жизнь”, что сознание (духовное начало) является “регулятором энергии” и никогда не исчезает, то интерпретация учения В. И. Вернадского о *ноосфере* и И. М. Гревсом (*антропосферы*) и П. А. Флоренским (*пневматосферы*) не только не противостоят друг другу, а наоборот, — дополняют друг друга, или, по крайней мере, равноправно сосуществуют.

Литература

1. АРАН. — Ф. 518, оп. 2, д. 45, л. 193 об. — 195 об.
2. Вернадский В. И. Дневники. 1921—1925. — М.: Наука, 1998. — С. 125.
3. Вернадский В. И. Русская интеллигенция и новая Россия // Таврический голос. — 1920. — 27 окт. (9 нояб.). — №358.
4. Вернадский В. И. Дневники. 1917—1921. Январь 1920 — март 1921. — К.: Наукова думка, 1997. — С. 119.
5. Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М.; Пг.: Русская мысль, 1918. — С. 239.
6. Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренского // Вопросы истории естествознания и техники. — Москва. — 1988. — №1. — С. 84.
7. Письма П. А. Флоренского и В. И. Вернадского // Флоренский П. А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 277.
8. См.: Проф. Васильев. Иезуит Саккери, итальянский предшественник Лобачевского // Известия физико-математического общества при Казанском университете. — Казань. — 1893. — Сер. 2. — Т. 3. — С. 53-57.
9. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — М.: Путь, 1914. — С. 712
10. Флоренский П. В. Судьба двух идей // Природа и человек. — М., 1989. №9. — С. 66.
11. Цит. по: Флоренский П. А. Философия, наука, техника. — Л., 1989. — С. 31.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2004 г.